

ВЕЛИКИЙ КОБЗАРЬ СРЕДИ ТУРКМЕН (взгляд через призму выполненных ранее работ)

В настоящее время вряд ли можно найти не только среди тюркологов, но и среди славистов ученого, не разделяющего мнение о едином происхождении названий украинского национального музыкального инструмента “кобза” и туркменского национального музыкального инструмента “гопуз” (общетюркского “кобус/кобыз”), хотя о языке-источнике и времени его заимствования могут возникнуть разные суждения.

Словари толкуют, что украинского народного певца, сопровождающего свое пение игрой на кобзе, называют кобзарем. Великий украинский поэт, прозаик, художник и философ Тарас Григорьевич Шевченко (09.03.1814–10.03.1861), который является также автором сборника произведений под названием “Кобзарь” (1840), со стороны почитателей его непревзойденного таланта уже давно именуется Великим Кобзарем.

На одной из центральных улиц красной столицы моей родины города Ашхабад в марте 1972 года, когда проходили Дни украинской литературы и искусства в Туркменистане, был воздвигнут памятник Великому Кобзарю Тарасу Шевченко (будучи тогда студентом университета, я лично наблюдал эти события, но, конечно же, со стороны, стоя среди собравшихся по такому случаю людей) – его величественный бюст (автор памятника М. Лысенко) вот уже сорок лет украшает улицу, названную также в честь великого украинского поэта. У подножья памятника на небольшом участке плодородной туркменской земли летом и зимой – круглогодично растут и расцветают розы, тюльпаны и другие цветущие растения из местной туркменской флоры. Примечательно и то, что памятник Великому Кобзарю расположен рядом с Туркменским государственным музыкаль-

ным театром драмы, который находится на поперечной улице и носит имя великого туркменского поэта-классика XVIII века Махтумкули, а также недалеко от памятника разместилось Посольство Украины в Туркменистане.

Отрадно отметить, что в последние годы сняты замки относительно существования автопортрета-скульптуры, то есть бюста Т.Г. Шевченко, установленного в 1881 году под его вербой, в выращенном им саду, на Мангышлаке, в Новопетровском укреплении, переименованном в 1857 году в Форт-Александровск [см.: Мастеров 2006]. Он является, по существу, первым в мире памятником Т.Г. Шевченко, сооруженным на тогдашней совместной туркменско-казахской земле, ведь непостоя же были написаны великим поэтом слова “Я памятник воздвиг себе...”.

Мангышлак и туркмены

Прежде чем непосредственно приступить к изложению конкретных вопросов интересующей нас темы, хотим кратко остановиться на отдельных вопросах концептуального характера, ибо темы “Т.Г. Шевченко и туркмены” и “Т.Г. Шевченко в Туркменистане” в целом еще не нашли свое соответствующее научное обоснование и объективное освещение. По нашему мнению, их следует рассматривать прежде всего на историческом фоне, описанном в монографии “Мангышлакские туркмены в XVIII–XIX вв.” доктора исторических наук Амантагана Бегджанова, который подробно исследовал этнический состав, социально-экономическое состояние, взаимоотношения с другими народами туркмен, проживавших на Мангышлакском полуострове (в основном туркменских племен човдур, игдир, абдал и ходжа) [Бегжанов 1993, 3–189]. Народная память

и имеющиеся данные позволяют также утверждать, что почти каждое туркменское племя на определенном этапе своей истории непосредственно проживало на Мангышлаке или же имело к этой территории очень близкое отношение. Приведем два примера, относящихся к разным концам страны. Знаменитый этнограф И.Г. Карпов (1890–1947), который известен также под псевдонимом Хошгельды Бахтияров, в двадцатые годы прошлого столетия записал в Ахале, из уст представителя племени теке, ценный исторический рассказ под названием “Вас” (“Мангышлак”) [Söyegov 2004, 24–25]. По наблюдениям автора настоящих строк, в современной речи ходжабазских оламов-туркмен (потомки древних аланов) из Лебапского веляята встречается устойчивое выражение “Мангышлакда мамак бар”, которое обозначает напрасное ожидание, несбыточную мечту и надежду на лучшее.

Необходимо подчеркнуть, что история Мангышлакского полуострова и Новопетровского укрепления (в дальнейшем Форт-Александровск, затем город Шевченко, а с 1993 года – город Актау – “Белая гора”) была тесно связана с туркменами и Туркменистаном не только до и в период нахождения там в ссылке Т.Г. Шевченко, но и многие последующие годы. Об этом может свидетельствовать следующая историческая справка, составленная нами на основе данных имеющихся работ по истории Туркменистана.

Новопетровское укрепление, основанное русскими в 1847 году (по другим источникам – в 1846 году) на берегу Каспийского моря, в дальнейшем было переименовано в Форт-Александровск, который стал центром Мангышлакского уезда Закаспийской области, образованной в 1882 году в результате падения 12 января 1881 года героически защищаемой крепости Геок-Тепе, расположенной вблизи Ашхабада. Наряду с Ашхабадским, Красноводским, Марыйским и Тедженским уездами Мангышлакский уезд подчинялся начальнику области, военная администрация которой находилась в областном центре – городе Ашхабад (по орфографии того периода – Асхабад). Основное население Закаспийской области, которая в 1882–1900 годах еще оставалась в подчинении Кавказского военного округа с

центром в городе Тифлис (ныне Тбилиси), составляли туркмены.

С 1900 года Закаспийская область вместе с другими областями входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи, которое было образовано в 1867 году для господства над народами Средней Азии, в том числе туркменским народом. Часть туркмен, проживающая по обоим берегам великой Амударьи в ее среднем течении и низовьях, были подданными соседних Хивинского ханства и Бухарского эмирата, которые признали себя вассалами российского государства. Таким образом, управляли Мангышлаком постоянно через Ашхабад и посредством его.

Такой порядок вещей практически сохранился до образования Киргизской АССР 4 октября 1920 года в составе РСФСР. К этому времени число казахского населения Мангышлака примерно на пять раз превышало количество его туркменского населения. Лишь тогда Мангышлакский полуостров и плато Усть-Юрт почти полностью были оторваны от основной части Закаспийской (с 19 мая 1921 года Туркменской) области Туркестанской АССР и перешли в ведение нынешнего Казахстана (Казахская ССР была образована 5 декабря 1936 года). В начале прошлого столетия последние представители местного туркменского населения покинули полуостров Мангышлак и плато Усть-Юрт и обосновались вновь в Балканском и Марыйском веляятах современного Туркменистана [Бегжанов 1993, 73], образование которого в виде советской республики – Туркменской ССР произошло 27 октября 1924 года на основе объединения туркменских областей бывших Туркестанской АССР, Хорезмской ССР и Бухарской ССР в единую государственность туркменского народа. Из среды мангышлакских туркмен вышли известные люди: организатор науки и языковед Кумушали Бориев (1896–1937), геолог, академик АНТ Керим Машрыков (1909–1974), лингвист, чл.-корр. АНТ Зелиха Мухамедова (1922–1984), писатель Рахим Эсенев и др.

В “Оренбургской Шевченковской энциклопедии”, составленной известным учёным-шевченковедом, лауреатом Национальной премии Украины им. Т.Г. Шевченко Леонидом Наумовичем Большаковым, в словарной статье о А.И. Родзевиче, авторе

работы “Тарас Шевченко в Закаспийском крае. К тридцатилетней годовщине смерти поэта. 1861–1891”, читаем, что «статья, опубликованная в журнале “Русская старина” (1891, т. 70, май, стр. 432–446), ввела в научный оборот шевченковедения ряд важных дел из архива Новопетровского укрепления. «Переписка эта, – сообщал Родзевич, – найдена мною в г. Асхабаде, в архиве штаба войск Закаспийской области, куда попала в числе архивных дел, перевезенных из форта Александровского...» [Большаков 2010].

В качестве другого примера для иллюстрации затронутого нами вопроса о мангышлакских туркменах можем указать, что исполняющий обязанности начальника Мангышлакского уезда Закаспийской области подполковник Павел Поликарпович Шимкевич (1856–1900) написал книгу под названием “Практическое руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области”, которая по распоряжению начальника области была издана в Ашхабаде в 1889 году объемом 168 страниц. Но, увы, автор этого полезного пособия П.П. Шимкевич умер молодым 30 марта 1900 года в Форт-Александровске [Соегов 1991, 91–93], то есть спустя 43 года, как его покинул Т.Г. Шевченко в 1857 году.

Туркменская тематика всегда присутствовала в творчестве последователей Т.Г. Шевченко. Украинский поэт, переводчик, один из представителей украинской революционно-демократической поэзии 1880–1890-х годов, последователь традиций Т.Г. Шевченко Павел Арсеньевич Грабовский (Павло Арсенович Грабовський, 1864–1902) поступил в 1886 году на военную службу и в том же году был направлен в войска Туркестанского военного округа. По дороге, в Оренбурге, был арестован за распространение политической литературы и отправлен обратно в Харьков для дознания. Несмотря на мимолётность прибывания его в шевченковских местах на Мангышлаке, П.А. Грабовский уже имел необходимый материал и вдохновение для сочинения в стенах харьковской тюрьмы своей поэмы “Текинка”, которая посвящена несостоявшейся любви украинского парня и туркменской девушки и впервые была опубликована в 1868 году в львовском журнале “Зоря” [см.: Гелдиева 1977, 24]. Через 98 лет поэма “Текинка” была переведена

на туркменский язык поэтом Ата Атаджановым и опубликована в 1966 году.

Т.Г. Шевченко в туркменском селе

По записям, сделанным Т.Г. Шевченко в своем дневнике, интересующим нас вопросом впервые занимался Курбан Аманниязов, родом из туркмен Мангышлака, впоследствии доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент АН Туркменистана, лауреат Государственной премии в области науки и техники, который в октябре 1969 года выступил со статьей “Тарас Шевченко среди туркмен”, напечатанной под рубрикой “Навстречу Декаде украинской литературы и искусства в Туркменистане”. Данными этой статьи мы в основном пользовались в написании настоящего раздела [Аманниязов 1969].

Целых десять лет пришлось провести в Оренбургском крае в положении изгнанника Тарасу Григорьевичу Шевченко, которому высочайшим указом запрещалось писать и рисовать. В июне 1847 года он был доставлен в Оренбург под присмотром фельдъегеря. «Солнце только что закатилось, – вспоминал он потом в автобиографической повести “Близнецы”, – когда я переправился через Сакмару, и первое, что я увидел вдаль, это было еще розового цвета огромное здание с мечетью и прекраснейшим минаретом. Это здание, недавно воздвигнутое по рисунку А. Брюллова, называется здесь Караван-Сарай. Проехавши Караван-Сарай, мне открылся город, то есть земляной высокий вал, одетый красноватым камнем, и неуклюжие сакмарские ворота, в которые я и въехал в Оренбург». Через три года его перевели в Новопетровское укрепление, что на берегу Каспийского моря. Таким образом, из сорока семи лет жизни семь он провел на полуострове Мангышлак. “Пустыня, совершенно без всякой растительности, песок да камень; хоть бы деревце – ничего нет...” – писал Т.Г. Шевченко о Мангышлаке.

Еще более суровая картина пустыни Каракумы обрисовывается в последних страницах упомянутой выше повести “Близнецы”: “Трое суток мы не снимали шинелей, и над рассказчиками про ужасы Каракумов начали было уже подтрунивать. Как вдруг ветер начал быстро стихать и к полдню совершенно стих. До колодцев оставалось еще верст десять, и эти десять верст

показались мне десятью десять. Жара была нестерпимая. Никогда в жизни я не чувствовал такой страшной жажды и никогда в жизни я не пил такой гнусной воды, как сегодня. Отряд, посылаемый вперед для расчистки колодцев, почему-то не нашел их, и мы перешли на гнилую солено-горько-кислую воду” [Шевченко 1964, 422–423]. Хотя здесь речь идет о “киргизских Каракумах”, они очень сходны с настоящими туркменскими Каракумами.

Но в скором времени Тараса Шевченка заинтересовала жизнь местного населения – туркмен и киргизов (т.е. казахов) Мангышлака: их быт и нравы, памятники материальной культуры. Приводим строки из дневника Т.Г. Шевченко, датированные 11 июля 1857 года и свидетельствующие о том, что он уже был знаком с местными туркменами: “После обеда я также по обыкновению заснул под фавориткою-вербою, а перед вечером надел чистый китель, соломенную шляпу-самодельщину и пошел на туркменские бакчи (баштаны), и, несмотря на скудность зелени, мне и бакчи понравились. Я зашел к хозяевам в аул (то есть в село. – М.С.); около кибиток играли с козлятами нагие смуглые дети, визжали в кибитках женщины, должно быть, ругались, за аулом мужчины творили свой намаз перед закатом солнца. Ветер был тихий, свежий. На горизонте чернела длинная полоса моря, а на берегу его горели в красноватом свете скалы, и на одной из скал блестели белые стены второй батареи и всего укрепления. Я любовался своей семилетнею тюрьмою. Возвращаясь на огород, набрел на тропинку, на уже засохшей грязи которой видны были отпечатки миниатюрных детских ножек. Я любовался и следил этот крошечный детский след, пока он не исчез в степной полыни вместе с тропинкою” (Собр. соч., т. 5, с. 63).

При чтении этой записи воображение современного туркмена К. Аманниязова нарисовало перед его глазами такую картину. Пришёл в туркменское село Тарас Григорьевич. Он видит, как женщины готовят ужин, как мужчины перед закатом солнца совершают обычный вечерний намаз. Может быть, именно этот быт навеял поэту строки:

*Хоть они убоги,
Хоть и голы!..
Да на воле
Ещё молят бога.*

Особенно умиляли Тараса Григорьевича дети. Он любит туркменскими детьми, наблюдая за их играми, а следы маленьких ножек на пыльной дороге приводят его сердце, полное нерастратченной нежности, в волнение:

*Хорошо мне с ними,
как отцу в богатой хате
с детками своими.*

И доволен я, и весел...

По записям Т.Г. Шевченко мы узнаём, что мангышлакские туркмены наряду со скотоводством и рыболовством занимались бахчеводством, а это указывает на их оседлый образ жизни.

Дневник Т.Г. Шевченко – замечательный биографический документ. Кроме того, в нем есть запись о киргизском (т.е. казахском) и туркменском похоронном обряде. К сожалению, дневник был начат поэтом 12 июня 1857 года. Через несколько дней Т.Г. Шевченко покинул Мангышлак и возвратился в Россию. Перед этим он в своем дневнике сделал следующую запись: “Я оставил знойную степь в кителе и туркменском верблюжьем чапане...” (Собр. соч., т. 5, с. 113). По нашему мнению, эти слова, написанные 153 года тому назад, необходимо принять как своеобразный наказ современным туркменским художникам на создание образа-портрета Т.Г. Шевченко в указанном наряде.

На полуострове Мангышлак поэт прожил, как известно, в течение семи лет. Его русскоязычные повести “Княгиня”, “Варнак”, “Художник”, “Несчастный” и “Наймичка” написаны на Мангышлаке. Вероятно, за годы ссылки Тарас Григорьевич мог научиться говорить и по-туркменски. Такое предположение можно сделать исходя из того, что и в его произведениях, и в дневнике встречается много туркменских слов: *чурек, кебат, байрам, чапан, намаз, кызылбаш, торба, агач* и другие. Кроме того, судя по дневнику, Т.Г. Шевченко приходит в туркменское село один и разговаривает с его жителями без переводчиков.

Как правильно отмечает К. Аманниязов, общение с местными жителями-туркменами дало Т.Г. Шевченко богатейший материал для создания картин. Как художник, он наиболее полно отразил жизнь и быт обитателей Мангышлака середины XIX века. В годы ссылки было выполнено свыше 150 картин и рисунков.

Интересным и ценным документом является акварельный пейзаж Т.Г. Шевченко “Сад возле Новопетровской крепости”. На первом плане картины изображена туркменская избушка. Это – настоящая бедняцкая хижина. Возле неё – молодые деревья, шумящие на ветру. Рисуя молодой сад, художник словно предвидел будущее туркменского народа:

*И предо мною
расстилаются, как море,
широкие села,
а в них сады вишнёвые
и народ весёлый,
и те люди, то селенье,
где меня, лаская,
братом звали.*

Вещие слова Великого Кобзаря сбылись. Мечта Т.Г. Шевченко о дружбе и братстве народов стала явью и в Украине, и в Туркменистане.

Т.Г. Шевченко и семья Усковых

Хотя данный вопрос не имеет непосредственного отношения к нашей теме, он связан с сохранением, а до этого и созданием, картин Т.Г. Шевченко мангышлакского периода, в том числе его картин на туркменскую тематику, и поэтому, основываясь на материалах из “Оренбургской Шевченковской энциклопедии” Л.Н. Большакова, хотим остановиться на нем кратко, в тезисном порядке.

Имя отца семейства, которое состояло из пяти человек (правда, сын умер в малолетнем возрасте), подполковника Ираклия Александровича Ускова (1810–1882), коменданта Новопетровского укрепления, упоминается почти во всех письмах Т.Г. Шевченко с Мангышлака, написанных в 1853–1857 гг., во многих записях его дневника. После отъезда из Новопетровского укрепления Шевченко переписывался с Усковым, ибо он сыграл благородную роль в его жизни. Несмотря на явную угрозу своей карьере и благополучию семьи, не имевшей никаких иных источников существования, кроме должностного оклада Ускова, комендант фактически вернул ему право писать и рисовать, раскрыв перед ним двери своего дома, освободил от муштры. Делалось это не только по просьбам оренбургских друзей поэта, но, прежде всего, по собственным душевным побуждениям. В результате усилий Ускова

творческой деятельностью Т.Г. Шевченко начал заниматься легально, открыто. Мемуаров о Т.Г. Шевченко Усков не оставил. Часть семейных воспоминаний впоследствии была написана (или рассказана для записи) другими членами его семьи – женой и двумя дочерьми.

Т.Г. Шевченко находился в добрых и близких отношениях с женой И.А. Ускова – Агафьей Емельяновной (1828–1899), которая пережила своего мужа на семнадцать лет. Как дорогие реликвии сохраняла она художественные работы Шевченко, его письмо, а также фотографии, сделанные Усковым в новопетровские годы. Все это побывало с семьей бывшего коменданта сначала в Саратове, потом в Москве, а далее было перевезено в Бугуруслан и со временем перешло к младшей дочери, Надежде Ираклиевне Усковой-Смоляк (1856–1935), которая передала их Украине. Последнее событие произошло в конце двадцатых годов прошлого столетия.

Таким образом, частными лицами была бережно сохранена художественная коллекция из восьми работ Т.Г. Шевченко-художника, относящихся к мангышлакскому периоду его творчества. Среди них упомянутый выше “Сад возле Новопетровского укрепления”, “Молитва за умерших” (“Казашка Катя”) и другие картины, связанные тем или иным образом с туркменами. Мы склоняем голову перед их памятью за столь благородный поступок.

“Туркменские абы в Кара-Тау” и “Молитва за умерших”

Так называются три картины – две акварели и одна сепия художника Тараса Шевченко, которые относятся к 1851–1857 гг., периоду его ссылки на Мангышлаке. Современные путешественники, посетившие полуостров Мангышлак, неоднократно свидетельствовали автору этих строк о существовании там до сих пор многочисленных старых, уже давно не действующих туркменских кладбищ с надгробными камнями. 24-я часть журнальной серии “Великие художники”, посвященная творчеству Т.Г. Шевченко и репродукциям его картин, содержит наиболее емкое и профессиональное описание акварелей “Туркменские абы в Кара-Тау” (правда, с некоторыми неточностями. Например, сведения о принадлежности буд-

дистам квадратных сооружений с куполами в форме колокола вряд ли соответствуют исторической действительности): «В обширной долине, расположенной между горами Кара-Тау (длиной 130 километров и высотой всего до 556 метров над уровнем моря) и Ак-Тау, он находил свидетельства, что эта земля, изможденная солнцем и ветром, была когда-то процветающим краем с развитой культурой. Кладбище Агасияр с богато украшенными богатой керамикой мавзолеями (абами) было ярким осколком этой ушедшей жизни. Величественные квадратные сооружения с куполами в форме колокола, ступы – ритуальные памятники буддистов Центральной Азии. Шевченко вряд ли мог знать, что эта местность в Средневековье действительно входила в буддийский ареал (это показали исследования), но творческая интуиция позволила ему “подсветить” эти исторические поселения. Колорит картины построен на синем ярком, сочном цвете. Местами художник предварительно кладет на лист полупрозрачность подмалевков, прописывая по нему густую массу облаков, бледной охрой обозначает лишь узкий мыс на переднем плане. В этой акварели Шевченко блестяще справился с атмосферой жаркого южного дня, которая плохо давалась не только его современникам, но и живописцам конца XIX столетия. В сухом прозрачном воздухе очерчены грани сооружений, – однако тени проложены легко, без сгущения пигмента, – всепроникающее полуденное солнце выбеливает все вокруг, и это зрительное ощущение точно передано в работе. С белыми пятнами стен контрастируют деликатные вкрапления красноватого по тону пигмента в изображении древних проемов, наверший и элементов узора» [Великие... 2010].

В этой связи необходимо отметить, что, по личным наблюдениям автора этих строк, погребальные обряды туркмен-эсги и некоторых других племен, проживающих в современном Саятском этрапе Лебапского велаята, заключаются в следующем: тело покойника, покрытое саваном, ставят почти на уровне земли в ранее подготовленное надгробное сооружение из жженого кирпича с овальной поверхностью высотой примерно 1 метр, после чего его оставленную открытой сторону закрывают кладкой кирпича. Эти небольшие надгробные

сооружения в современных, действующих кладбищах в чем-то напоминают древние туркменские абы (некрополи) из картин Т.Г. Шевченко. Близки к истине те авторы, которые считают, что “на Мангышлаке некрополи святых принадлежат в основном (казахскому) роду адай и туркменским племенам” [Знакомство... 2010]. Здесь же уместно будет привести выдержку из статьи о туркменах, которая помещена в бесценной “Оренбургской Шевченковской энциклопедии” Л.Н. Большакова: “Решающая роль в формировании народа принадлежала тюркоязычным огузам (сельджукам). Смещение их с оседлым населением и привело к образованию туркменского народа... Т. Шевченко близко узнал туркмен на Мангышлаке, в годы службы своей в Новопетровском укреплении. Он общался с их семьями, о чем имеются упоминания в дневнике. *Поэт-художник видел и знал памятники сельджукской цивилизации, как и более близкие по времени произведения туркменской культуры*” (выделено нами. – М.С.) [Большаков 2010].

К периоду написания акварелей “Туркменские абы в Кара-Тау” относится третья картина Т.Г. Шевченко – сепия “Молитва за умерших” (другое условное название – “Казашка Катя”), которая выполнена в 1856–1857 гг. Она также кратко описана в “Великих художниках” (но густая дневная темнота в закрытом помещении – в некрополе – неправильно истолкована как ночь): «В композиции с казашкой, пришедшей ночью на кладбище совершить древний обряд, художнику удалось достичь эффекта “рембрандтовского” света. В технике водорастворимой сепии он совершенно по-особому выявляет сокровенные стороны человеческой природы» [Великие... 2010].

В “Оренбургской Шевченковской энциклопедии”, в словарной статье, посвященной Кате, в связи с сепией “Молитва за умерших” (“Казашка Катя”) находим интересное предположение: «По воспоминаниям одной из дочерей, Н.И. Усковой-Смоляк, Катя жила в семье на правах воспитанницы, Шевченко тепло относился к ней и Авдотье. В письме Ускову от 17 февраля 1858 г. он писал: “Целую вас всех, и Катю, и няню...” (VI, 207). Известна картина-портрет “Казашка Катя” (г. 9, л. 61). Катя, возможно, позировала и для

другой шевченковской работы – “Казашка” (л. 50). Однако, заметим, названия этим работам даны не самим автором, а публикаторами, составителями.

Распространившаяся в печати последних лет версия о том, что Катя якобы ранее была украдена “местным купцом” и комендант Усков чуть ли не со специальным отрядом, в который входил Тарас Шевченко, ее освободил, достоверной основы под собой не имеет и является легендой» [Большаков... 2010].

Разные варианты легенды о Кате приводит в своей книге и Станислав Мастеров: «“Айналайн”, – так хотел назвать Юрий Татаринов поэму о любви Тараса к той, которую он изобразил на картине “Казашка Катя”. Эту легенду Татаринов слышал от жителей форта, потомков казаков, служивших в Форт-Александровском (ныне Форт-Шевченко), и своих друзей казахов. Ездил и я с ним по далеким окраинам Мангышлака, видел стариков, аксакалов, еще помнивших рассказы своих бабушек об экспедиции весны – осени 1851 года с участием Тараса. Суть легенды в том, что неофициальной его женой (токал) была казашка Катя, моложе на 20 лет. У нее родились мальчик и девочка. А по другой, более поздней версии образца 2003 года, это была молодая казачка. Город Шевченко переименовали в Актау. Знаменитую картину рекомендовали называть “Казахская девушка совершает поминальный обряд на могиле предкова”» [Мастеров 2006].

Публикаторами и составителями были даны надуманные названия и другим картинам Т.Г. Шевченко. В той же “Оренбургской Шевченковской энциклопедии” читаем, что, например, Кормышев (Иван Исакович) послужил для Шевченко одним из натурщиков в его живописных работах (“Цыган”, “Песня молодого казаха” и др.), а также в рисунках и этюдах, выполненных в период каратауской экспедиции [Большаков... 2010]. Как видно, названия этих картин великого художника полностью оторваны от лежавшей в их основе действительности.

Слова из книги С. Мастера о Т.Г. Шевченко, а именно: “...и эскизы памятников на воинском кладбище в Форту, и эскизы орнамента надгробных камней на казахских могилах... Хорошо говорил по-казахски, много было друзей-казахов, ча-

сто бывал в гостях в ближайших казахских аулах” [Мастеров 2006], не подкреплены документально, и можно то же самое говорить в отношении туркмен, хотя тогда не было в употреблении само слово “казах”, ибо казахов как великороссы, так и малороссы называли “киргизами” или “кайсаки-киргизами”. Кроме того, “орнаменты надгробных камней” мы наблюдаем именно в картинах “Туркменские абы в Кара-Тау” и “Молитва за умерших”.

Из всего сказанного вытекает единственный вывод: женщина, нарисованная на картине “Молитва за умерших” (другое условное название – “Казашка Катя”), не является казашкой (или киргизкой, по терминологии того времени). Кем же тогда она может быть в действительности? Наиболее вероятными являются два ответа на этот вопрос:

1. Она действительно является сестрой няни дочерей коменданта Новопетровского укрепления И.А. Ускова, русской (казачкой?) по национальности. Она позировала художнику Тарасу Шевченко при рисовании им картины “Молитва за умерших”. Но мы сами лично склонны придерживаться второго ответа, который, на наш взгляд, выглядит более аргументировано;

2. В картине “Молитва за умерших” создан образ туркменки, которая, согласно народной традиции, осуществляет посещение могилы своего древнего предка с надгробным камнем. Она держит в руке зажженную свечу, ибо могила ее знаменитого родственника находится в закрытом, затемненном помещении (некрополь), которое выступило также основной (большой) фигурой в картине “Туркменские абы в Кара-Тау”. В портрете женщины преобладают черты лица, присущие туркменам: более большие и круглые глаза, густые брови, толстые губы, характерный головной убор с длинным продолжением на спине и др. Более того, традиция посещения группой женщин могил своих родственников через определенное время после их похорон для исполнения поминальных обрядов соблюдается среди туркмен-оламов, сурхи и некоторых других туркменских племен по настоящее время. По-видимому, данная традиция имела место среди туркменских племен човдур, игдир, абдал и ходжа, населявших в ту пору полуостров Мангышлак,

за исполнением которой лично наблюдал Т.Г. Шевченко.

Великий Кобзарь прекрасно “поет” по-туркменски

Данную часть своей работы мы хотим посвятить туркменским переводчикам и их переводам произведений поэта Тараса Шевченко. Этим вопросом занималась еще в 1961 году кандидат филологических наук Гуля Кулиева, напечатавшая на страницах академического журнала небольшую статью под названием “Тарас Шевченко на туркменском языке” [Кулиева 1961, 73–75].

Первые переводы стихов Т.Г. Шевченко в Туркменистане появились в 1938 году, когда вся страна начала готовиться к празднованию 125-летия со дня рождения Великого Кобзаря. В сентябрьском номере (№9) журнала “Совет эдебияты” (“Советская литература” – органа СП Туркменистана) за 1938 год была помещена статья только год тому назад переселившегося из веляята в столицу, еще совсем молодого, 24-летнего, писателя Беки Сейтакова, в которой сообщалось о подготовке к этой знаменательной дате, а также говорилось о том, что к юбилею великого поэта будет переведено на туркменский язык более 2 тысяч его стихотворных строк. Действительно, многие лучшие поэты тогдашнего Туркменистана взялись за перевод поэзии Тараса Шевченко – Амандурды Аламышев (1904–1943), Дурды Агамаммедов (1904–1960), Помма Нурбердыев (1909–1972), Чары Аширов (1910–2003), Кемал Ишанов (1911–1948), Берды Солтанниязов, Дурды Халдурды и, конечно же, сам Беки Сейтаков – автор упомянутой выше статьи. Вскоре на страницах туркменских газет и журналов стали появляться первые стихотворения Тараса Шевченко в их переводах. Мартовский номер (№3) журнала “Совет эдебияты” за 1939 год был посвящен целиком творчеству великого украинского поэта. Много писала о юбилее поэта туркменская русскоязычная пресса того периода, в частности газеты “Туркменская искра” и “Комсомолец Туркменистана”.

К юбилею переведенных поэтических произведений было уже столько, что стало возможным издать в том же 1939 году первый в Туркменистане сборник стихов Тараса Шевченко. Председатель правле-

ния Союза писателей республики и один из переводчиков К. Ишанов в предисловии к данному сборнику, изданному под названием “Кобзарь”, в частности, писал: “Творчество великого поэта способствует воспитанию у украинского и туркменского народов чувства интернационализма. Пламенная поэзия Шевченко – с богатством её рифмы, высокохудожественная и высокоидейная – покоряет нас и служит прекрасным образцом. Настоящий сборник – первая попытка познакомить туркменского читателя с творчеством великого украинского поэта. Возможно, не все получилось удачно, но переводчики старались не только точно передать мысль поэта, но и сохранить форму его стиха”. В эту книгу (объем 102 стр.) вошли поэмы “Катерина”, “Батрачка”, “Гайдамаки” и “Кавказ”, знаменитые стихотворения, какими являются “Завещание”, “Тополь”, “В неволе я один скучаю”, “Ой, одна я, одна”, “Что же мне так тяжко?”, “Бывало, думаю, гуляю” и некоторые другие – всего 15 произведений Великого Кобзаря [Şewçenko 1939].

Небезынтересно будет читателям узнать, что через два года после издания сборника, когда началась Великая Отечественная война и нависла смертельная угроза над Украиной – великой Родиной Т.Г. Шевченко, переводчики его сочинений – А. Аламышев, Д. Агамаммедов, П. Нурбердыев, Ч. Аширов, Д. Халдурды – во главе с председателем правления СП Туркменистана К. Ишановым добровольцами ушли на фронт. Не брали на фронт лишь Б. Сейтакова, который еще в детстве из-за оспы полностью потерял зрение одного глаза.

Ушли на фронт, на защиту тогдашней большой Родины, также туркменские поэты Шалы Кекилов (1906–1943) и Ата Ниязов (1906–1943), которые в своих стихотворениях обратились к образу Тараса Шевченко и вдохновенно воспели его творчество. Следует особо отметить, что талантливый поэт и прозаик Ата Ниязов погиб 21 ноября 1943 года в боях за освобождение Украины и похоронен в городе Кривой Рог Днепропетровской области. Поэты Амандурды Аламышев и Шалы Кекилов, павшие смертью героев в том же 1943 году, также навсегда остались вдали от родной туркменской земли.

Возвратившиеся с Победой в солнечный Туркменистан многие бывшие переводчи-

ки произведений Тараса Шевченко наряду с оригинальной творческой работой продолжали заниматься также прежней переводческой деятельностью. В 1952 году поэма “Катерина” отдельной книжкой (объем 30 с.) была вынесена на суд читателей в новой редакции (переводчик Ч. Аширов) [Шевченко 1952]. Поэма “Батрачка” также переиздавалась трижды.

Все большее число стихотворений Тараса Шевченко переводилось, все объемнее становились сборники его произведений. Усилиями тех же переводчиков в 1954 году в Ашхабаде был издан второй, большой по объему сборник украинского поэта-классика. Если сравнить переводы стихотворений поэта, осуществленные в 1939 году, с переводами, помещенными в сборнике 1954 года и сделанными теми же самыми переводчиками, то можно увидеть большую разницу между переводами одних и тех же стихотворений. Например, “Завещание” было переведено Берды Солтанниязовым еще в 1939 году. В сборнике 1954 года помещен его же перевод “Завещания”, но это уже совершенно другое по форме стихотворение. В первом варианте чувствуется напряженное внимание переводчика к передаче смыслового содержания каждой строки и еще недостаточно ощущается музыка стиха Тараса Шевченко. Второй вариант перевода гораздо ближе к оригиналу не только по точности передачи мысли автора, но и с точки зрения ритма шевченковского стиха. То же самое можно сказать о переводе Б. Солтанниязова поэмы “Кавказ” и стихотворения “Бывало, думаю, гуляю” [см.: Кулиева 1961, 73–75]. Хотим также отметить, что Б. Солтанниязов, переводчик сочинений Т.Г. Шевченко, в декабре 1969 года выступил на страницах газеты со статьей “Украина – чудная страна”, в которой рассказывается о поездке автора в эту прекрасную страну [Солтанниязов 1969].

Туркменское государственное издательство выпустило в 1956 году новый сборник сочинений Т.Г. Шевченко (объем 163 с.), в который вошло 42 поэтических произведения [Шевченко 1956]. Все переводы осуществлены талантливым поэтом Чары Ашировым, в последующем народным писателем Туркменистана, уже много лет назад, с 1939 года, начавшим переводить произведения Тараса Шевченко. И хотя все переводы делались не с украинского

оригинала, а с русских переводов, они почти всегда передают содержание произведений гениального украинского поэта, сохраняют яркость шевченковских образов.

Все увеличивающийся объем сборников произведений Т.Г. Шевченко, возрастающий тираж изданий его книг говорит о том, что великолепная поэзия великого украинского мастера художественного слова близка и дорога туркменскому читателю.

Подытоживая данный раздел, отметим, что если раньше туркменские газеты и журналы печатали произведения Т.Г. Шевченко в основном в связи с круглыми годовщинами его рождения и смерти, а также в дни нередко проводимых в тот период Декад украинской литературы и искусства в нашей республике, то в годы независимости, как правило перед официальными визитами Президента Туркменистана в Украину, а также Президента Украины в Туркменистан, на страницах периодической печати появляются новые переводы сочинений Т.Г. Шевченко, осуществленные народными писателями Аннаберды Агабаевым, Атамурадом Атабаевым и другими поэтами-переводчиками. Иногда газеты возвращаются к старым переводам: литературный еженедельник “Edebiyat we sungat” (“Литература и искусства”) от 9 июля 2010 года посвятила целую свою страницу стихам Тараса Шевченко и Леси Украинки, а также новелле Олеся Гончара в переводах Ч. Аширова, Б. Сейтакова, Б. Солтанниязова и других.

Туркменские поэты воспевают Тараса

Русский перевод стихотворения “Слово Тараса” народного шахира Ата Салиха (1908–1964), одного из трёх туркменских “гомеров”, слепых поэтов, – другими, более старшими являются Кёрмолла (1876–1934) и Дурды Клыч (1886–1950), – был помещен в первом номере журнала “Ашхабад” за 1961 год в связи со столетием со дня смерти Т.Г. Шевченко:

*Полет синицы короток, низок,
но выше горных круч парит орел.
И только тот поэт народу близок,
чей стих крыла могучие обрел.
Тарас, я славлю твой полет орлиный.
Ты видел степи, реки и долины,
народ многострадальной Украины
ты видел и его к свободе вел.*

*Твои слова, что огненные стрелы,
на Днепр неслись и – за его пределы;
дрожало небо, и земля гудела:
“Долой царя и барский произвол!”*

*Шахир Ата – живу в иное время,
меня не давит старой жизни бремя:
взросло свободы и достатка семя,
и яствами всегда мой полон стол.*

*Собрат мой, знай: стихи твои нетленны;
они звучат во всех краях вселенной,
они давно живут в доме туркмена.
Твой вещий стих бессмертие обрел.*

Другое стихотворение туркменского народного шахира Ата Салиха “Над могилой Тараса Шевченко”, в переводе Г. Веселкова, включено в сборник стихов советских поэтов “Пою мое Отечество”, который был издан в Москве в 1967 году.

Еще в 1964 году талантливый поэт Аллаберды Хаидов, в последующем народный писатель Туркменистана, лауреат Государственной премии им. Махтумкули, совместно с переводчиком Ю. Гордиенко и украинским литератором М. Гирныком находился в творческой командировке в местах ссылки Т.Г. Шевченко на Мангышлаке, в результате которой сочинил стихи на данную тему. Его стихотворение под названием “Баллада о путнике”, рассказывающее о том, как Тарас Шевченко побывал у туркменских чабанов, печаталось на страницах журнала “Дружба народов” (1964, №2) в переводе Ю. Гордиенко. Другое его

стихотворение переведено В. Бекетовым на русский язык и появилось в третьем номере журнала “Радуга” за 1964 год под названием “Синеглазый человек (баллада)” [см.: Туркменская литература... 1980, 228, 239].

В разные годы воспевали Тараса Шевченко как великого писателя и художника туркменские поэты Шалы Кекилов, Ата Ниязов, Махтумкули Мышшиев, Окдем Эминов, Йылгай Дурдыев и другие.

В завершение хотим отметить, что, вопреки ожиданиям авторов появившихся в последние годы в печати и затем в Интернете некоторых работ (например, статьи А. Каревина и др.), которые хотят снизить роль Т.Г. Шевченко в истории украинской культуры путем нахождения “новых фактов” из его личной жизни, якобы свидетельствующих о недостойных его поступках и поведении, Великий Кобзарь по-прежнему остается славой Украины, украинским гением, знаковой, почти культовой фигурой в дальнейшем укреплении национального самосознания украинского народа. Основоположнику новой украинской литературы и национального литературного языка Т.Г. Шевченко принадлежит такая же роль в духовном развитии независимой Украины, какую играет туркменский поэт-классик XVIII века великий Махтумкули Фраги для современного нейтрального Туркменистана, памятник которому на одной из улиц прекрасной украинской столицы города Киев был установлен в 2002 году.

ЛИТЕРАТУРА

Аманниязов К. Тарас Шевченко среди туркмен // Туркменская искра, 1969, 26 октября.

Бегжанов А. Мангышлак туркменлери XVIII–XIX асырларда. Ашгабат, 1993.

Большаков Л.Н. Оренбургская Шевченковская энциклопедия.

www.encyclopedia.ru/cat/online/detail/415/ (16.06.2010).

Великие художники. Их жизнь, вдохновение и творчество. Часть 24. Тарас Шевченко. historymania.info/view_post.php?id... (15.06.2010).

Гелдиева Ш. Украин-туркмен эдеби гатнашыкларынын тарыхындан. Ашгабат, 1977.

Знакомство с Мангышлаком. http://www.silkroadadventures.info/ru/citieskz04_01_05.html (25.06.2010).

Кулиева Г. Тарас Шевченко на туркменском языке // Известия АН Туркм. ССР. Сер. обществ. наук, 1961, №2.

Мастеров С. “Я памятник воздвиг себе...” Памятник-автопортрет Тараса Шевченко на Мангышлаке. Кустанай, 2006. <http://goroscop.forever.kz/TARAS1.htm> (22.06.2010).

Соегов М. П.П. Шимкевич и его пособие по туркменскому языку // Известия АН Туркменистана. Гуманитарные науки, 1991, №6.

Солтанниязов Б. Украина – чудная страна // Туркменская искра, 1969, 13 декабря.

Туркменская литература / Под редакцией С.А. Каррыева и А. Язбердиева. Ашхабад, 1980.

Шевченко Т.Г. Катерина. Поэма. Туркмен дилине гечирен Чары Ашыров. Ашгабат, 1952.

Шевченко Т.Г. Повести. Київ, 1964.

Шевченко Т.Г. Эсерлер (Гошгулар ве поэмалар). Рус дилинден тержиме эден Чары Ашыров. Ашгабат, 1956.

Söyegov M. Hoşgeldi Bahtiyarov Takma Adı Altında // 'Bulak' Dergisi Uluslar Arası Türkmen Türk Üniversitesi'nin Yayın Organı, 2004, Sayı: 10.

Şewçenko T.G. Kobzar (Goşgular we poemalar). Redaktor Beki Seytâkow. Aşgabat, Türkmendöwletneşir, 1939.